

Будни работника гильдии

Findroid Findroid

Будни работника гильдии

<https://litres.ru/74126053>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Сергей Ершов, но в этом мире меня называют Седрик Ёр, и как вы можете догадаться я попаданец. Но в отличие от других попаданцев, я совсем не герой, и мало что умею. Даже магия у меня так себе, но вот в бумажной работе я хорош, так что нашел себя в гильдии искателей приключений Серебряный грифон, где помогаю более удачливым авантюристам с поисками заказов и оплатой за них.

И всё бы ничего, но в один прекрасный(нет) день гильдмейстер поручил мне приглядеть за проблемным отрядом которые все называют "Отбитые из Арушина"...

Содержание

Глава 1. Подарок	4
Глава 2. Овражки	25
Глава 3. Переговоры	39
Глава 4. Жатва душ	54
Г	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Findroid

Будни работника гильдии

Глава 1. Подарок

Колокол на ратуше пробил девять, когда я наконец добрался до своего стола.

Вообще-то рабочий день начинается в восемь, но Гернот, наш завхоз, снова забыл открыть заднюю дверь. И ладно бы в первый раз, но я уже сбился со счёту, сколько раз этот старый пень оставлял нас топтаться на заднем крыльце. Был бы он моим подчинённым, я бы давно провёл с ним воспитательную беседу. Но Гернот подчиняется напрямую гильдмейстеру, а тому, кажется, плевать, что полдесятка работников каждое энное утро обнаруживают запертый вход.

Идти через главный вход? Спасибо, нет. Это означало бы пробираться сквозь толпу искателей, которые с утра пораньше осаждают его, чтобы первыми добраться к доске объявлений. Представьте себе два десятка вооружённых людей, половина из которых не мылась минимум неделю, толкающихся и орущих друг на друга из-за контрактов на гигантских крыс и бешеных волков. Вонь, лязг, и не дай бог кто-то задел чьи-нибудь ножны. Однажды из-за такого двое сцепились прямо в дверях, и Марте пришлось их “успокаивать”

черенком от швабры.

На столе меня ждала привычная картина: стопка документов, кружка с остатками вчерашнего травяного отвара, который уже подозрительно помутнел, и записка от Марты.

«Посчитай гоблинов за прошлую неделю, к обеду нужно».

Почерк у неё такой, будто курица решила станцевать на бумаге, причём не просто станцевать, а исполнить что-нибудь залихватское, с притопами. Но за два года я научился разбирать, а заодно и ценить, что хотя бы записки она оставляет, а не требует устно, когда я опаздываю.

Два года

Иногда мне кажется, что прошла целая жизнь с тех пор, как я очнулся посреди незнакомого леса без малейшего понятия, где нахожусь и как в него попал. Я просто лежал на мокрой траве, в офисных брюках и рубашке, и смотрел на незнакомое небо, на котором красовалось две луны вместо одной.

Сергей Ершов, двадцать шесть лет, офисный работник из Москвы. Не герой, не избранный, не носитель древнего пророчества. Просто человек, который однажды вышел из метро и оказался не на Тверской, а посреди фэнтезийного мира с магией, монстрами и гильдиями искателей приключений.

Звучит как завязка дешёвого фэнтези, да?

Реальность оказалась куда прозаичнее. Магией я овладел едва-едва, могу зажечь свечу, если очень сосредоточусь, и это весь мой арсенал. Мечом махать не умею и, честно гово-

ря, не горю желанием учиться. Приключения? Нет уж, спасибо. Я видел, как возвращаются искатели после «приключений»: кто на своих двоих с пустым кошельком, а кто на чужих, вперёд ногами.

Зато я умею работать с документами: считать, сортировать, составлять отчёты. Рутинная, от которой у любого нормального искателя глаза бы полезли на лоб, но гильдия «Серебряный грифон» в этих умениях отчаянно нуждалась, потому что до моего появления учёт вела Марта в одиночку, и бумаги у неё были свалены в одну большую кучу, отсортированную по принципу «что сверху, то и важное».

За два года я привёл всё в порядок, создал систему и нашёл своё место. Оно маленькое, скучное и пахнет чернилами и пылью, но оно моё.

Я отодвинул кружку, сел и принялся вытаскивать из стопки нужные бланки.

Гильдия работает по старинке: каждый убитый монстр – отдельная бумажка с описанием, подписью искателя и отметкой проверяющего. Звучит просто, но на практике это целое искусство расшифровки. Половина искателей пишет так, будто перо держали ногой. Другая половина уверена, что «большая зелёная тварь с зубами» – это исчерпывающее описание. А один раз мне попался отчёт, где в графе «описание монстра» стояло «ну вы знаете». Нет, блин, не знаем, для того и графа.

За неделю таких бумажек набиралось штук двести, и при-

мерно треть существ составляют гоблины. Мелкие, вонючие, плодящиеся как кролики твари, за которых платят пять медяков за голову. Самый массовый заказ и самая нудная отчётность.

К половине десятого я насчитал шестьдесят три гоблина, четырёх волколаков и одного огра с натяжкой. Судя по описанию, обычный троглодит-переросток, но искатель клялся, что огр. Он даже приписал снизу: «Я знаю, как выглядят огры!!! Это был огр!!!» Три восклицательных знака Убедительный аргумент, ничего не скажешь.

Рука уже начала ныть от писанины, когда в нашу каморку заглянул Лерой.

— Седрик, тебя зовут. Из начальства.

Я поднял голову. Лерою двадцать, он работает в гильдии третий месяц и до сих пор не научился отличать важных посетителей от обычных. На прошлой неделе он назвал начальством сборщика налогов, а до этого — жену старшего координатора, пришедшую передать мужу обед. Но слова всё же прозвучали тревожно.

— Кто именно?

— Гильдмейстер.

Вот это уже серьёзно.

Я отложил перо и быстренько перебрал в голове, что мог натворить. Вроде бы ничего. Отчёты сданы вовремя, документы в порядке, гоблины подсчитаны Ну почти подсчитаны. Никто не жаловался. Мебель не ломал, коллег не оскорб-

лял, по крайней мере, в лицо.

— Иду.

По дороге на второй этаж я гадал, к чему бы это. Гильдмейстер вызывал меня за два года ровно три раза: при найме, при переводе из стажёров в штатные сотрудники и когда я нашёл ошибку в квартальной отчётности, стоившую гильдии двенадцать золотых. За последнее меня даже похвалили. Скупое, одним предложением, но похвалили.

Четвёртый раз может означать что угодно, и это насторожило.

Кабинет гильдмейстера располагался в конце коридора. Просторная комната за массивной дубовой дверью, с рабочим столом, шкафами, набитыми документами, парой мечей на стене и несколькими трофеями даних лет. На полке справа стоит голова мантикоры, покрытая пылью. Рядом клык чего-то очень большого и зубастого. Я старался не смотреть на него, потому что каждый раз казалось, что его хозяин ещё жив и где-то сучает по клыку.

Сам гильдмейстер, пожилой мужчина с седой бородой и цепким взглядом, сидел за столом и что-то читал. Из тех людей, которые даже в расслабленном состоянии выглядят так, словно прикидывают, кого бы послать на верную смерть.

Когда я вошёл, он поднял голову.

— Садись, Седрик. У меня для тебя задание.

Я сел, внутренне напрягшись. Задание от гильдмейстера — это не «посчитай гоблинов». Это что-то, от чего другие либо

отказались, либо о чем даже в курсе.

— Слышал об Отбитых из Арушина?

Название звучало смутно знакомо. Я нахмурился, пытаюсь вспомнить, где мог его слышать. Кажется, Лерой что-то рассказывал Или нет, вроде Марта ворчала за чаем

— Группа искателей? Кажется, что-то слышал краем уха.

— Ещё бы ты не слышал, — гильдмейстер откинулся на спинку кресла. — Их послужной список способен заткнуть самые безумные фантазии. В прошлом году они чистили шахту от кобольдов и каким-то образом устроили обвал, который перекрыл реку на три дня. Три деревни ниже по течению сидели без воды. За полгода до этого охотились на мантикору. Загнали её в замок местного барона

Пауза.

Я уже догадываюсь, что было дальше.

— Ну Замок пришлось отстраивать заново.

Ага. Я не ошибся.

— Я понял, — сказал я. — Они эффективные, но разрушительные?

— Это мягко сказано, — гильдмейстер вздохнул так, как вздыхает человек, повторяющий одно и то же уже не первый год. — Проблема в том, что они действительно хороши в своём деле. Монстров убивают, задания выполняют. Просто с побочным ущербом. И сейчас они опять вляпались.

Мужчина постучал пальцем по папке на столе, и папка эта была толстой. Тревожно толстой.

— Деревня Овражки. Их наняли уничтожить гигантских крыс в подвалах. Простое задание, справился бы любой третьеранговый искатель. Но староста почему-то решил позвать Отбитых.

— И?

— И теперь он требует от гильдии пятьдесят золотых компенсации. Сгоревший амбар, взорванный колодец, дом старосты в руинах, пропавший племенной бык и — мужчина заглянул в бумаги, — «глубокая моральная травма от вида демона».

Я моргнул.

— Демона?

— Демона, — гильдмейстер потёр переносицу. — Подробности в папке. Если коротко, их главарь напал в таверне на человека, который оказался кровавым колдуном. Тот призвал демона, а Отбитые заманили его к амбару с крысами, чтобы он их сжёг. Дальше всё покатилося под откос.

Минуту я переваривал услышанное, потом открыл пододвинутую папку и начал читать.

С каждым абзацем мои брови поднимались всё выше. К третьей странице они, кажется, достигли линии роста волос.

— Они использовали демона, чтобы уничтожить крыс?

— Творческий подход к делу, — в голосе гильдмейстера слышалась усталость человека, который видел слишком многое и устал удивляться. — Твоя задача — разобраться в ситуации, оценить реальный ущерб и договориться со старо-

стой о приемлемой компенсации. Желательно меньше пятидесяти золотых.

Пятьдесят золотых Для понимания масштаба, моя месячная зарплата составляет два золотых. На пятьдесят я мог бы безбедно жить два года, а этот староста хочет столько за амбар и колодец. Хотя если приплюсовать демона и моральную травму

— А сами Отбитые?

— Они под твоим надзором, пока дело не закроется, — гильдмейстер позволил себе лёгкую усмешку, и вот эта усмешка мне категорически не понравилась. Так усмеваются люди, которые знают то, чего не знаешь ты. — Считай это частью обучения. Ты показал себя с хорошей стороны, Седрик. Ты наблюдательный, въедливый и не боишься задавать вопросы. Мне нужны такие люди.

Я не был уверен, что это комплимент. Скорее, это формулировка из разряда «тебя выбрали, потому что остальные умнее и отказались».

— Они сейчас здесь?

— Ждут внизу, — мужчина встал, давая понять, что разговор окончен. — Удачи. Она тебе понадобится.

Пожелал мне удачи таким тоном, словно отправляет на войну. Я начинаю беспокоиться...

Я спустился в приёмный зал, на ходу дочитывая папку, и поднял глаза.

Отбитые из Арушина расположились у дальней стены, и

не заметить их было невозможно. Даже если бы я очень захотел, даже если бы зажмурился и заткнул уши, запах бы всё равно выдал.

Первым в глаза бросался орк. Огромный, зеленокожий, с клыками, торчащими из нижней челюсти, он сидел на лавке, которая под ним жалобно поскрипывала, и прихлёбывал что-то из потёртой металлической фляги. Прихлёбывал основательно, с чувством, с расстановкой. На шее у него болтался символ какого-то божества – паладинский знак, как я понимаю. Я присмотрелся, пытаюсь узнать символ, но не смог. Ни один из знакомых мне орденов такого не использует.

Орк-паладин.

Пьющий.

В десять утра.

Рядом с ним сидела эльфийка, высокая, тонкая, с серебристыми волосами и выражением лица, которое я бы назвал «вселенская снисходительность». Она разглядывала свои ногти с таким видом, будто всё вокруг – зал, люди, сам воздух – ниже её достоинства. Причём разглядывала не абы как, а методично, палец за пальцем, словно проводила инвентаризацию. Эльфы вообще, по моему опыту, склонны к подобному, но у этой получалось особенно высокомерно.

Чуть поодаль стоял старик с лютней. И когда я говорю старик, я имею в виду старик, такой, у которого возраст перестал быть цифрой и превратился в качественную характеристи-

стику. Очень старый, очень грязный. Одежда на нём выглядела так, будто её не стирали никогда. Seriously, я действительно подозреваю, что эта одежда не видела воды ни разу за всё время своего существования. А запах, ох Даже с расстояния в десять шагов я уловил нечто, напоминающее канализацию в жаркий день.

На его плече сидела облезлая ворона с проплешинами в оперении, и смотрела на меня с явным превосходством.

— Божественный попугай приветствует тебя, смертный! — прокаркала она.

Я

Ладно Значит, ворона заговорила. И назвала себя попугаем. И приветствовала меня как «смертного».

Я решил, что мне послышалось. Сегодня тяжёлое утро, мало спал, пропустил завтрак, вот мне и определённо послышалось. Других объяснений я пока принимать не готов.

У окна маячил невысокий хафлинг? Нет, что-то не так. Уши слишком острые для хафлинга. Полуэльф? Но такой маленький? Я видел полуэльфов и раньше, но они были среднего роста, а этот едва достаёт мне до груди. Он нервно переминался с ноги на ногу и сжимал в руках что-то светящееся, и от этого свечения по его лицу пробежали фиолетовые блики. Выглядит это тревожно.

И последний.

Последнего я узнал сразу, ещё до того, как разглядел лицо. Высокий русый парень стоял, скрестив руки на груди и

слегка откинувшись назад. Та самая поза «мне тут всё понятно, а вам нет».

Два года назад, когда я только попал в этот мир, мы встретились в том городе. Я тогда ещё толком не понимал, что со мной произошло, и он, судя по всему, тоже. Оба растерянные, оба пытающиеся понять, как оказались в мире, где за окном вместо панелек стоят фахверковые дома, а по улицам ходят гномы.

Мы проговорили тогда целый вечер. Он был полон энтузиазма, с горящими глазами говорил, что «освоит местные правила» и «поднимется на вершину». Что-то еще про великие свершения, про уникальный шанс и про то, что этот мир создан для таких, как мы. Я слушал и думал, что парень начитался книжек.

Я выбрал осторожный путь: устроился в гильдию, начал адаптироваться. Он, видимо, выбрал другой.

Борис.

Хотя судя по записям в папке, теперь он называет себя Бьёрн? Серьёзно?

Парень тоже заметил меня. Его глаза расширились на мгновение, всего на секунду, а потом его лицо стало нарочито равнодушным. Такое: ой, кого я вижу, ну надо же, какое совпадение, мне в общем-то всё равно. Не убедительно, Борис, совсем не убедительно.

— Так, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. Получилось средне. — Отбитые из Арушина, я полагаю?

Орк поднял на меня мутный взгляд, и это ещё мягко сказано. Глаза у него были такие, словно он смотрел на мир через дно той самой фляги.

— А ты кто?

— Седрик Ёр. Гильдия поручила мне разобраться с вашим делом в Овражках.

Эльфийка фыркнула так, будто я сказал нечто настолько нелепое, что даже оскорбляться лень.

— К нам приставили мальчишку?

— Лалуна, — пробасил орк, — вежливость.

— Я вежлива, — эльфийка одарила меня взглядом, от которого молоко бы скисло, причём не просто скисло, а свернулось и выползло из кружки, — просто констатирую факт.

Я хотел ответить что-нибудь остроумное, но не успел, потому что старый бард вдруг оказался рядом со мной. Просто взял и оказался. Я даже не заметил, как он подошёл, не услышал ни шагов, ничего. Секунду назад он стоял у стены, а теперь вот он, прямо передо мной.

Вблизи запах стал ещё ощутимее. Это слово не передаёт и десятой доли, но других приличных у меня не осталось.

Старик расплылся в широкой, беззубой, радостной, как у ребёнка, увидевшего подарок, улыбке и открыл было рот, но тут же закрыл. Он оглядел меня с ног до головы с интересом, но и с явным разочарованием, как разочаровывается кот, обнаруживший, что в миске не мясо, а каша.

— А, — сказал он, — не барышня.

— Не барышня, — подтвердил я.

— ПСИБЛЕЙДЫ!

Я отшатнулся. Полуэльф-коротышка вскинул руки, и между его пальцами засверкали яркие фиолетовые лезвия чистой энергии.

— Анкурик! — рявкнул орк. — Не здесь!

— Но этот хафлинг у стойки смотрит на меня! — коротышка ткнул пальцем в сторону ни в чём не повинного посетителя, который, по-моему, просто ждал свою очередь и вообще смотрел в другую сторону. — Он думает, что я тоже хафлинг! Я ВИЖУ ЭТО В ЕГО ГЛАЗАХ!

— Ты полуэльф, мы знаем. Убери клинки, — примири-тельно попросил орк.

Энергия неохотно погасла. Именно неохотно: лезвия потухли не сразу, а медленно, словно раздумывая, стоит ли подчиняться. Анкурик продолжал сверлить взглядом несчастного посетителя, и тот, прочувствовав на себе этот взгляд, поспешно ретировался к выходу. Разумный человек, на его месте я бы тоже вышел. Возможно, бегом.

Я вздохнул и перевёл взгляд на Бориса. То есть, Бьёрна.

— Что скажешь насчет Овражков?

Он небрежно пожал плечами, с показной ленцой, которая должна означает, я полагаю, «мне всё равно, и ваши бумажные дела меня не касаются».

— Скажу, что мы выполнили задание. Крысы мертвы, а остальное – побочный ущерб, и нас касаться не должно.

— Демон – это побочный ущерб?

— Я его парировал, — ответил Бьёрн с абсолютной уверенностью.

Прозвучало не как бравада и не как хвастовство, а спокойная убеждённость человека, который говорит очевидное. Вода мокрая, небо синее, япарировал демона.

— Когда он плюнул огнём, я парировал, и огонь отлетел в дом старосты, но это не моя вина. Это демон виноват.

Я открыл рот, закрыл и открыл снова.

— Ты парировал огонь?

— Я могу парировать что угодно.

— Это правда, — неожиданно подтвердил орк. Говорил он совершенно серьёзно, без тени иронии. — Однажды он парировал молнию. До сих пор не понимаю как.

Молнию. Бьёрн парировал молнию. Мечом, надо полагать.

Ворона на плече барда расправила крылья.

— Божественный попугай подтверждает! Борис-который-не-Борис парирует реальность!

— Меня зовут Бьёрн, — сердито поправил парень.

И вот тут, когда его назвали Борисом при всех, на его лице наконец промелькнуло что-то настоящее – раздражение. Значит, имя ему действительно важно. Запомним.

— Конечно, конечно, — проворковал бард. — Бьёрн, который не Борис, парирует время и пространство

— Так, — сказал я громко, пока ситуация не скатилась в

какой-то окончательный абсурд, хотя куда уж окончательнее: ворона, считающая себя попугаем, полуэльф с псиблейдами и парень из Москвы, утверждающий, что парирует законы физики, — мне нужно выехать в Овражки и поговорить со старостой. Вы едете со мной.

Лалуна закатила глаза с тем самым эльфийским изяществом, от которого жест выглядел не грубо, а аристократично.

— Ещё чего. Мы своё дело сделали.

— Вы под надзором гильдии до закрытия дела, — я посмотрел ей прямо в глаза. — И это не просьба.

На секунду в зале повисла тишина. Эльфийка медленно смерила меня взглядом сверху вниз, словно оценивая, стоит ли тратить на меня слова, или достаточно просто проигнорировать. Но я выдержал. Не потому что храбрый, а потому что за два года в гильдии научился не моргать первым, когда на тебя смотрит недовольный клиент.

— Бабай, — наконец сказала она, — скажи ему.

Орк сделал долгий глоток из фляги. Посидел задумчиво секунд десять, словно обдумывал великую философскую дилемму, и наконец изрёк:

— Он прав. Гильдия платит – гильдия командует.

Бабай поднялся, и только тогда я осознал, насколько он огромен. Почти два метра, широченные плечи, руки как брёвна. Лавка под ним скрипнула, но в этот раз словно облегчённо.

— Когда выезжаем?

— Завтра на рассвете, — сказал я. — Постарайтесь до тех пор ничего не

Я замолчал, подбирая слово. Какое можно использовать для группы, которая уничтожает демонов, сжигает амбары и теряет быков одновременно?

— Не сжечь? — подсказал Бьёрн.

— Не взорвать? — добавил Анкурик.

— Не соблазнить? — хихикнул Консур, бард с вороной.

— Да. Всё это. До завтра.

Я развернулся и пошёл прочь, чувствуя спиной взгляды пяти пар глаз. Шести, если считать ворону, а ворону, я подозреваю, считать нужно.

— Эх, почему наш надзирающий не дама, — услышал я голос барда.

— Консур, — устало сказал Бабай, — иди выпей.

— С удовольствием!

Ворона закаркала. Кажется, это был смех.

Я вышел в коридор, привалился к стене и, глядя в потолок, мысленно разложил всё по пунктам.

Итого пятеро. Пьющий орк, который зачем-то стал паладином. Эльфийка, уверенная в собственном превосходстве над всем живым. Бард, от которого пахнет так, будто он ночевал в сточной канаве, и его ворона, считающая себя божеством. Псионик, готовый убить любого, кто назовёт его хафлингом. И Борис, то есть Бьёрн, человек из моего ми-

ра, который утверждает, что может парировать вообще всё, включая молнию.

И с ними мне предстоит работать. Ехать в деревню, оценивать ущерб, вести переговоры С ними.

Спасибо, гильдмейстер. Отличный подарок.

До конца дня ничего интересного не произошло, и слава богам.

Я вернулся в каморку, разобрал ещё одну стопку бумаг и досчитал гоблинов. Сто сорок семь за неделю – новый рекорд. Прошлый составлял сто двадцать три, и тогда Марта сказала, что это тревожная тенденция. Интересно, что она скажет теперь.

Отчёт я сдал ей за полчаса до обеда. Женщина пробежала глазами цифры, потом посмотрела на меня с тем самым странным выражением. Это не сочувствие, нет. Скорее, так смотрит человек, который знает что-то забавное и не собирается делиться. Как будто ей рассказали анекдот, героем которого являюсь я, и она изо всех сил сдерживает смех.

— Удачи в Овражках, — сказала она. — Она тебе точно понадобится.

— Все так говорят.

— Потому что все правы.

Я вздохнул и отправился на обеденный перерыв.

Столовая гильдии располагается в подвале. Туда ведет узкая каменная лестница с истёртыми ступенями, по которым за десятилетия прошли тысячи сапог. Внизу прохладно ле-

том и тепло зимой, пахнет жареным луком и хлебом, а кухарка тётушка Мила готовит лучшее рагу в городе. По крайней мере, я так считаю. Искатели, конечно, предпочитают таверны, где наливали эль, но я таверны не люблю. Там слишком громко, слишком людно, и кто-нибудь обязательно лезет с разговорами о том, как он в одиночку завалил виверну, хотя по отчётам я знаю, что виверну завалили шестеро, а этот конкретный герой подошёл, когда она была уже мертва.

Сегодня в столовой было многолюдно. За длинным столом в углу сидела целая компания – пятеро искателей в форменных плащах Ордена рассвета. Паладины. Я узнал их сразу, эти ребята всегда ходят группой, выглядят так, будто собираются сниматься для героической фрески, и всегда разговаривают громче, чем нужно. Даже сидя за обедом, они умудрялись держать спины ровно и жестикулировать с какой-то картинной значительностью, словно каждый жест – это часть ритуала.

Во главе стола сидела девушка примерно моего возраста. Светлые волосы, собранные в практичный хвост, правильные черты лица, такие, которые запоминаются не броской красотой, а какой-то надёжностью, что ли. И улыбка, от которой хочется то ли улыбнуться в ответ, то ли отвести взгляд, потому что слишком яркая.

Рианна Эверхарт, командир отряда Золотая заря. Это имя я видел в документах, когда регистрировал их контрактную группу. Единственная женщина-командир в Ордене рассве-

та, и судя по репутации, она заслужила это место не связями, а мастерством. В её досье было двадцать три закрытых контракта, включая двух малых демонов и мантикору. Для тех, кто не знает, это очень-очень внушительный список.

Я взял свою порцию рагу и сел в противоположном конце зала, надеясь остаться незамеченным. У меня был план: тихо поесть, тихо подумать о завтрашнем дне и так же тихо уйти.

Не вышло. Рианна вскоре встала из-за стола и двинулась в мою сторону с особой грацией, которая выдает опытного бойца.

— Господин Ёр? — обратилась она с той же сияющей улыбкой.

Я поднял глаза. Вблизи девушка оказалась выше, чем я думал.

— Просто Седрик, — сказал я. — Чем могу помочь?

— Мы подавали заявку на регистрацию группового контракта на виверну. Хотела узнать, как продвигается рассмотрение.

А, вот оно что.

Виверна появилась неделю назад у восточных холмов, успела утащить трёх коров и напугать несколько деревень. Награду за неё назначили приличную, и я не удивлён, что Орден рассвета заинтересовался. Это именно тот масштаб работы, под который заточены их отряды: достаточно опасно для славы, достаточно выгодно для кошелька.

— Я передам вопрос координатору, — ответил я. —

Обычно такие заявки рассматривают два-три дня.

— Понимаю, — девушка кивнула. — Просто мы хотели бы выехать как можно скорее, пока тварь не натворила дел похуже.

В её голосе не слышалось требовательности, скорее, искреннее беспокойство. Паладины вообще умеют звучать искренне. Профессиональная деформация, наверное. Когда твоя работа – защищать слабых от сил зла, волей-неволей научишься говорить убедительно. Хотя что-то подсказывает мне, что в её случае это беспокойство настоящее.

— Я посмотрю, что можно сделать.

— Буду благодарна, — Рианна улыбнулась ещё раз, и я поймал себя на мысли, что эта улыбка действует на меня примерно так же, как фляга на Бабая: расслабляет и отвлекает от важного. Опасная штука. — Удачи с Отбитыми, кстати. Слышала, вам поручили разобраться с их последним подвигом.

— Новости быстро расходятся.

— Гильдия – маленький мир, — девушка слегка качнула головой. — Если понадобится помощь, наш отряд вернётся через несколько дней. Я серьёзно.

Прежде, чем я успел ответить, Рианна вернулась к своим. Я проводил её взглядом и переключился на рагу. Оно остывало. Я попытался сосредоточиться на вкусе, на текстуре, на том, как тётушка Мила нарезала морковь крупными кусками, как я люблю, но ничего не помогло. В голове вертелась

вовсе не морковь.

Странный день. Сначала орк-паладин-алкоголик, потом ворона-попугай и парень, парирующий молнию, а теперь девушка-паладин, которая предлагает помощь незнакомому клерку.

Мир определённо сошёл с ума.

Или это я схожу.

Глава 2. Овражки

Дорога до Овражков заняла полдня, и это были самые длинные полдня в моей жизни.

Я не преувеличиваю. За два года в этом мире я пережил немало сомнительных моментов: первую встречу с гоблином (он пытался украсть мой ботинок, пока я спал), первую попытку колдовать (поджёг рукав и чуть не спалил библиотеку), первый квартальный отчёт (сорок страниц от руки, потому что здесь нет принтеров). Но эта поездка побила все рекорды.

Началось всё с того, что Бабай чуть не впал в буйство ещё у ворот города.

Мы только-только выехали, лошади ещё не успели разогреться, утренний туман ещё стелился по мостовой, и тут какой-то торговец с телегой неудачно толкнул орка локтем. Случайно. Просто не рассчитал дистанцию, такое бывает. Город, толчея – ничего особенного.

Бабай так не считал.

Орк развернулся, и я увидел, как его глаза наливаются тем самым мутным красноватым оттенком, который означает «сейчас будет очень плохо». Кулак размером с мою голову уже пошёл вверх. Торговец побелел и прижался к своей телеге, а я мысленно прикинул, во сколько обойдётся гильдии лечение гражданского.

Но внезапно Лалуна, даже не меня выражения лица и не отрывая взгляда от горизонта, просто протянула руку и щёлкнула мужа по уху.

Одним пальцем. По уху. Двухметрового орка.

И это сработало

Бабай моргнул. Кулак опустил. Орк пробормотал что-то вроде извинения, и мы поехали дальше, словно ничего не произошло. Торговец ещё минуту стоял, прижавшись к телеге, и, по-моему, забыл, как дышать.

— Триггер сбит, — пояснил Бьёрн, поймав мой обалдевший взгляд. — Она знает, как с ним обращаться, он же её муж, в конце концов.

Орк-паладин и эльфийка-охотница. Женаты.

Я решил не спрашивать, как это вообще произошло. Есть вещи, которые лучше не знать, и история любви двухметрового зелёного паладина и высокомерной серебристоволосой эльфийки определённо входит в их число. Может, однажды, когда мне будет совсем нечего делать, я наберусь смелости и спрошу, но не сегодня.

Консуру довольно быстро наскучила езда на лошади и он начал спеть дорожную песню.

Голос у него оказался на удивление неплохой, хриплый, но мелодичный, с какой-то странной глубиной, которую не ожидаешь услышать от грязного беззубого старика. Первым куплетом я даже заслушался, потому что мелодия была красивой и задорной, из тех, под которые хорошо ехать верхом

по лесной дороге.

Проблема была лишь в тексте.

К третьему куплету, изобилующему анатомическими подробностями о «прелестях молочницы из Арушина», я готов был заткнуть уши. Описания были настолько детальными, что у меня сложилось впечатление, будто бард либо обладает выдающимся воображением, либо действительно лично знал эту молочницу. И знал её очень-очень хорошо.

— Может, что-нибудь другое? — предложил я, стараясь звучать дипломатично. Всё-таки я здесь представитель гильдии, а не литературный цензор.

— О, молодой господин желает героическую балладу? — Консур расплылся в беззубой улыбке, и лицо его озарилось таким восторгом, будто я только что сделал ему лучший комплимент в жизни. — Я знаю отличную песню о рыцаре и драконе! Правда, там в конце рыцарь и дракон... — он многозначительно подмигнул, — находят общий язык.

— Нет.

— Очень романтическая история!

— Нет!

— Божественный попугай настаивает! — прокаркала ворона с его плеча. — Пой, бард! Пой о любви!

— Твоя птица меня пугает, — сказал я Консуру.

И это была чистая правда. Ворона смотрела на меня так, словно точно знала, о чём я сейчас думаю, и это знание доставляет ей удовольствие.

— Каркаша — не птица! — ворона нахохлилась, и перья на ней встали дыбом, отчего проплешины стали ещё заметнее.

— Каркаша — воплощение божественной воли!

— Ну да, она немного особенная, — признал Консур с видом любящего родителя. — Нашёл её птенцом у храма Безумного бога. С тех пор не расстаёмся.

Храм Безумного бога Конечно, ну разумеется. Откуда ж ещё взяться говорящей вороне, считающей себя божественным попугаем, если не из храма бога безумия? Это многое объясняет.

Анкурик всю дорогу ехал в арьергарде и сверлил взглядом каждого встречного. Буквально каждого. Крестьянин с корзиной? Подозрительный взгляд. Женщина с ребёнком на руках? Ещё более подозрительный. Старик с козой? Анкурик проводил его поворотом головы на сто восемьдесят градусов, словно ожидая удара в спину.

Дважды я слышал, как он шипит «я не хафлинг» в сторону проезжающих мимо крестьян, которые, если честно, вообще на него не смотрели. Они смотрели на Бабая, потому что двухметровый орк на лошади — это зрелище, которое запоминается надолго. Но Анкурик был убеждён, что все взгляды направлены на него.

Бьёрн держался рядом со мной, но почти всегда молчал. Мы ехали бок о бок уже больше часа, и за это время он не произнёс ни слова. Просто ехал и смотрел вперёд на дорогу с тем выражением сосредоточенной пустоты, которое бывает

у людей, думающих о чём-то своём.

Несколько раз я ловил на себе его изучающий взгляд, словно он пытался что-то решить. Наконец я не выдержал.

— Что?

— Ничего, — Бьёрн отвернулся. — Просто не ожидал тебя увидеть. Думал, ты давно вернулся.

— Вернулся куда?

— Домой, — Бьёрн понизил голос, чтобы остальные не слышали, хотя Бабай дремал в седле, Лалуна ехала далеко впереди, а Консур был занят настройкой лютни. — В наш мир.

Я хмыкнул.

— Если бы я знал как, может, и вернулся бы. В первый год. Сейчас уже не уверен...

Странно было произносить это вслух. Первые месяцы я думал о доме постоянно: о метро, о кофе из автомата, о том, как мама, наверное, с ума сходит. А потом Потом дни стали складываться в недели, недели — в месяцы, и постепенно этот мир перестал быть чужим. Он не стал родным, нет, но перестал ощущаться враждебным. Я нашёл работу, освоился, научился читать местный язык и варить местный чай. В какой-то момент мысли о доме из постоянных стали редкими, а из болезненных — просто грустными.

Бьёрн кивнул, словно понимая.

— Я тоже сначала искал способ, потом бросил. Здесь интереснее.

— Интереснее?

— Я могу парировать молнию, Серё... — он осёкся, — Седрик. Там я был никем — менеджер среднего звена с ипотекой, а здесь я тот, кто парирует молнию.

Менеджер среднего звена с ипотекой. Я посмотрел на него, на этого высокого парня в поношенной кожаной куртке, с мечом на бедре, с обветренным лицом и руками, покрытыми мелкими шрамами, и попытался увидеть в нём того Бориса из Москвы, с которым мы пили дешёвое пиво два года назад в единственной приличной таверне города.

Не получилось. Тот Борис был мягче, более нервным, с бегающим взглядом человека, который ещё не решил, бояться ему или радоваться. Этот Бьёрн основательно уверен в себе, и эта уверенность не выглядит напускной.

Странная логика, но я его почти понимаю. Там я тоже был никем особенным. Здесь по крайней мере у меня есть работа, которую я делаю хорошо, и какое-никакое место в мире. Пусть и маленькое, пусть и пахнущее чернилами.

— Не называй меня Серёгой, — сказал я тихо. — Здесь я Седрик.

— Справедливо, — Бьёрн слегка усмехнулся, и усмешка вышла почти тёплой. — А я Бьёрн. Не Борис.

— Договорились, Бьёрн.

На мгновение показалось, что между нами что-то не то чтобы потеплело. Два человека из одного мира, заброшенные в другой, это создаёт связь, хотим мы того или нет.

Мы оба это чувствовали и оба старались не придавать этому слишком большого значения.

— ПСИБЛЕЙДЫ!

Я дёрнулся в седле. Лошадь подо мной тоже дёрнулась, и секунду мы с ней синхронно пытались не потерять равновесие.

Анкурик, налившийся краской так, что стал похож на свёклу с заострёнными ушами, швырнул светящийся клинок в сторону дерева у дороги.

— ТАМ БЕЛКА! — заорал он. — ОНА СМОТРЕЛА НА МЕНЯ КАК НА ХАФЛИНГА!

Клинок врезался в ствол, оставив глубокую дымящуюся борозду. Белка, целая и невредимая, ускакала по веткам, и клянусь, на мгновение мне показалось, что она обернулась и посмотрела на Анкурика с презрением. Хотя, наверное, это мне уже мерещилось от усталости.

— Анкурик, — устало сказал Бабай и зевнул, — белки не знают, кто такие хафлинги.

— ЭТА ЗНАЛА! Я ВИДЕЛ В ЕЁ ГЛАЗАХ!

Лалуна вздохнула.

Я начинаю понимать, почему гильдмейстер так ухмылялся.

Овражки оказались небольшой деревней в низине между двумя холмами, отсюда, видимо, и название. Домов тридцать-сорок, пара улиц, рыночная площадь, церквушка на от-

шибе. Одно из тех мест, где все друг друга знают, новости расходятся за полчаса, а самое крупное событие года – когда у кого-нибудь корова родит двойню.

Тихое и сонное место.

Вернее, оно должно было быть тихим и сонным. Сейчас оно выглядело так, будто здесь порезвился небольшой ураган, причём целенаправленный.

Амбара не было. Совсем. На его месте чернела проплешина выжженной земли, окружённая остатками каменного фундамента. Камни почернели от жара, кое-где ещё поблёскивали спёкшиеся капли чего-то металлического. Наверное, гвозди. От амбара осталось ровно столько, сколько нужно, чтобы понять: здесь когда-то стоял амбар. И его больше нет.

Колодец посреди площади тоже отсутствовал. Вместо него зияла неровная воронка с рваными краями, будто что-то рвануло изнутри. Вокруг валялись разбросанные камни, некоторые отлетели шагов на двадцать, один проломил забор ближайшего дома.

Дом рядом с площадью – видимо, тот самый дом старосты – стоял с обугленной крышей и выбитыми окнами. Стены уцелели, но выглядели так, словно их облизнул очень горячий и очень большой язык.

Я осмотрел всё это, мысленно прикинул ущерб и сказал: — Неплохо. Даже лучше, чем я представлял по описанию.

И я не шутил. После прочтения папки я ожидал увидеть вместо деревни воронку размером с озеро. А тут ну колодец,

ну амбар, ну крыша. По меркам Отбитых это, считай, ювелирная работа.

— Это ещё что, — гордо сказал Консур. — Надо было видеть, когда демон только вылез. Вот это было зрелище!

— Каркаша подпевала! — добавила ворона. — Демон оценил!

— Он пытался тебя съесть, — уточнил Бьёрн.

— Демон оценил исполнение! По-своему!

Тут нас заметили.

Из домов осторожно, как мыши из норы, когда кот ушёл, но есть подозрение, что еще вернётся, начали выглядывать люди. Взгляды, которые они бросали на Отбитых, были выразительными: смесь страха, злости и чего-то похожего на фатализм. Так смотрят на стихийное бедствие, которое нельзя предотвратить и бессмысленно проклинать.

— Вернулись! — раздался женский возглас откуда-то слева. — Они вернулись! Прячьте детей!

Вот это реакция. Они же не разбойники и не демоны, просто неординарные гильдейские искатели. И местные прячут от них детей. Я бы занёс это в отчёт, если бы не боялся, что бухгалтерия спросит, в какую графу вписать «паника населения».

— Мы не едим детей, — оскорблённо буркнул Анкурик.

— А выглядишь как тот, кто ест, — парировала женщина.

Полуэльф побагровел. Я буквально увидел, как на его пальцах начинают формироваться лезвия, и поспешно вкли-

нился, пока он не сделал что-нибудь, о чём потом пришлось бы писать ещё одну папку.

— Мы из гильдии! Ищем старосту!

Это немного разрядило обстановку. По крайней мере, дети перестали прятаться, а из толпы выдвинулся мужчина.

На вид ему лет пятьдесят, грузный, с багровым лицом и усами, торчащими в стороны как у моржа. Из тех мужчин, которые выглядят так, словно их кровяное давление постоянно находится на грани допустимого, и любая неприятность может стать последней каплей. Одет он был в то, что когда-то явно было дорогим камзолом, а теперь несло на себе следы пожара, воды и, кажется, демонических когтей, потому что на левом рукаве красовалась длинная прореха с обгоревшими краями.

— Староста Овражков, Гвидо Толстый, — представился мужчина, буравя взглядом Отбитых. Взгляд его проходил по ним медленно, неотвратно и с нарастающей яростью. — А вы кто такой?

— Седрик Ёр, гильдия Серебряного грифона, — я спешил и достал бумаги.

Бумаги — мой щит и меч. Когда достаёшь официальные бумаги, люди автоматически начинают относиться к тебе серьёзнее. Проверено.

— Я прибыл для оценки ситуации и урегулирования конфликта.

— Урегулирования? — Гвидо побагровел ещё сильнее. Я

не думал, что это физически возможно, но он доказал обратное. — Урегулирования?! Вы видите, что они сделали?! Мой амбар! Мой колодец! Мой дом! Мой бык!!

Четыре «мой» подряд. Человек переживает за собственность, это я могу понять, с собственностью я умею работать.

— Бык сам убежал, — подал голос Бьёрн из-за моей спины. — Мы его не трогали.

— ОН УБЕЖАЛ ОТ ДЕМОНА, КОТОРОГО ВЫ ПРИТАЩИЛИ!

— Технически, — вмешался Бабай, и голос его был рассудителен, как у философа, обсуждающего абстрактную проблему, — демона призвал колдун. Мы его только перенаправили.

— В мой амбар!!

— Там были крысы, за которых вы нам заплатили, — орк пожал плечами.

— Я заплатил вам за уничтожение крыс! Не за уничтожение всей деревни!

— Деревня цела в основном, — заметила Лалуна с невозмутимостью, которой позавидовал бы ледник, — так что не нужно драматизировать.

Староста открыл рот. Закрыл. Снова открыл. Лицо его приобрело оттенок варёной свёклы. Я забеспокоился уже не о компенсации, а о его здоровье. Если старосту хватит удар прямо здесь, моя папка пополнится графой «смерть гражданского лица в присутствии подотчётной группы», а это,

поверьте мне, такая бумажная волокита, что легче самому лечь и умереть.

— Господин Гвидо, — сказал я, пока старосту не хватил удар, — давайте обсудим это спокойно. Я здесь, чтобы во всём разобраться. Гильдия готова рассмотреть вопрос компенсации.

— Пятьдесят золотых! — выпалил он. — Ни медяком меньше!

— Это значительная сумма. Может, пройдем внутрь и обсудим детали?

Гвидо смерил меня взглядом, потом Отбитых, потом снова меня. Видимо, решил, что я меньшее из зол. И откровенно говоря, на фоне говорящей вороны и полуэльфа с энергетическими лезвиями я действительно выгляжу самым адекватным существом в радиусе ста шагов.

— Хорошо. Но они, — он ткнул пальцем в сторону группы, — остаются снаружи. Я не пущу их в то, что осталось от моего дома.

— Справедливо, — согласился я.

— Мы подождём в таверне, — сказал Бабай и потряс флягой. Звук был нехороший – пустой. Фляга заканчивалась, и судя по лицу орка, это было событие вселенского масштаба. — Пустеет.

— ТАВЕРНА ЗАКРЫТА! — заорал Гвидо, и я увидел, как у него задёргалась жилка на виске. — ДЛЯ ВАС – НАВСЕГДА!

— Это потому, что там начался весь этот инцидент? — уточнил я, надеясь направить разговор в конструктивное русло.

— Это потому что в прошлый раз этот, — он указал на Консура, — пытался соблазнить мою жену!

Вот тебе и конструктивное русло.

— Я лишь сказал, что она прекрасна, как утренняя роза, — обиженно возразил бард, и в голосе его слышалось искренней непонимание. — Это комплимент!

— ОНА НА ВОСЬМОМ МЕСЯЦЕ БЕРЕМЕННОСТИ!

— Беременность только подчёркивает её цветущую красоту!

На этом месте я решил, что если не вмешаюсь прямо сейчас, разговор скатится в такое, из чего уже не выбраться.

— Консур, — сказала Лалуна, — замолчи.

Бард замолчал. Ворона презрительно каркнула, но тоже промолчала. Два чуда за один день.

Я потёр виски. Голова начинала гудеть. День обещает быть длинным, очень длинным, и мы ещё даже не сели за стол переговоров.

— Хорошо. Отбитые, ждите на площади. Не трогайте ничего. Вообще ничего. Даже не смотрите на вещи слишком пристально, — я повернулся к старосте. — Господин Гвидо, ведите.

Мужчина кивнул и направился к своему полуразрушенному дому. Я пошёл следом, чувствуя спиной взгляды От-

битых и жителей деревни. Два набора взглядов, каждый по-своему тяжёлый. От деревенских веяло надеждой, что я заберу этих безумцев навсегда, от Отбитых – снисходительным любопытством, что же этот бумажный человечек собирается делать.

— Эй, Седрик — услышал я голос Бьёрна.

Я обернулся.

— Удачи, — сказал он и, помолчав, добавил: — Если что, я могу парировать его гнев.

— Это не так работает.

— Ты не знаешь.

Голос Бьёрна был полон такой искренней уверенности, что я почти поверил.

Почти.

Глава 3. Переговоры

Дом старосты изнутри выглядел не лучше, чем снаружи. Пожалуй, даже хуже, потому что снаружи можно было списать обугленную крышу на дурной архитектурный эксперимент. Внутри же плачевность обстановки четко давала понимание масштаба бедствия «Отбитые» .

Гвидо провёл меня в то, что когда-то было гостиной. Теперь это была комната с обугленными балками на потолке, закопчёнными стенами и стойким запахом гари, который, я подозреваю, не выветрится ещё несколько месяцев, и чем-то еще Предполагаю, так пахнет, когда демон побывал у вас в гостях. Копоть лежала на всём: на подоконнике, на уцелевшем канделябре, на портрете какого-то усатого предка, который смотрел на меня из-под слоя сажи с выражением оскорблённого достоинства. Почти вся мебель, та немногая, что уцелела, была сдвинута в угол и накрыта мокрыми тряпками.

— Садитесь, — буркнул староста, указывая на единственный стул недалеко от входа. Сам остался стоять, скрестив руки на груди. Поза воинственная, лицо свекольное, усы дрожат — классическая позиция человека, готовящегося к тяжёлым переговорам.

Я сел, достал блокнот и самопишущее перо. Это здешнее изобретение, перо, которому не нужна чернильница. Стоит

три серебряных, я купил его в первый же месяц работы и с тех пор считаю лучшим вложением в этой жизни. Для бухгалтер в мире без принтеров это всё равно что ноутбук.

— Итак, господин Гвидо, расскажите мне, что именно произошло. Только давайте с самого начала.

— С самого начала? — мужчина фыркнул. — С самого начала я нанял этих этих — он искал слово и не нашёл достаточно крепкого. Судя по шевелению губ, перебрал несколько вариантов, отверг их как слишком мягкие и сдался, — искал тей, чтобы они разобрались с крысами, которые донимают нашу деревню уже три недели. Причём гадины были такие здоровые, что сами мы не справились бы, вот и потребовались профессионалы.

— Почему вы выбрали именно Отбитых?

Гвидо замялся. Усы его дёрнулись, словно попытались убежать с лица.

— Они были дешевле других.

Я поднял бровь. Жест этот я позаимствовал у Марты, которая применяет его каждый раз, когда находит ошибку в чужом отчёте. Действует безотказно.

Гвидо вздохнул.

— Ладно. Ещё они были единственными, кто согласился. Мы не богатая деревня, господин Ёр. Крысы появились три недели назад и с тех пор сожрали треть наших запасов. Я обращался в гильдию, но нормальные группы просили слишком много. А эти — он скривился так, словно жевал лимон,

— взяли за десять серебряных.

Десять серебряных за гигантских крыс — это действительно дёшево. Я бы даже сказал, подозрительно дёшево. Стандартная ставка за зачистку гнезда гигантских крыс — от двадцати пяти серебряных в зависимости от размера гнезда и количества особей. Десять — это цена, по которой берут контракт либо новички, пытающиеся набить себе рейтинг, либо группы, которым позарез нужна хоть какая-то работа.

Или группы, от которых все нормальные заказчики шарашаются и которым приходится соглашаться на всё, что предложат

— И что было дальше?

— Они приехали, зашли в таверну. «Осмотреться», как они сказали, — Гвидо сжал кулаки, и я увидел, как побелели костяшки. — И этот орк Этот орк напился и начал буяннить. Полез с кулаками на какого-то путника, который сидел в углу.

— На колдуна, как я понимаю.

— Откуда мне было знать, что он колдун?! — взорвался староста, и я отметил, что это не гнев, а обида. Гнев он направлял на Отбитых ранее, обида же была на себя: не rozpoзнал, не углядел, пустил к себе под нос. — Он выглядел как обычный странник! Тихий такой, в капюшоне, сидел себе, никого не трогал! А потом этот зелёный громила врезал ему по лицу, и странник

Гвидо побледнел. Именно побледнел, после багрового от-

тенка кожи это было заметно особенно резко, словно из него разом выкачали всю краску.

— Он начал кричать что-то на непонятном языке, глаза загорелись красным, а потом появился демон.

— Прямо в таверне?

— Прямо в таверне, — староста тяжело опустил на сундук у стены. — Огромный, в потолок, весь из огня и дыма. Я думал всё, конец. Прощайте, Овражки.

Я записывал, стараясь не упустить детали. Формулировки старосты были эмоциональными и путанными, но из-под эмоций проглядывала чёткая картина. Мужчина оказался хорошим свидетелем, из тех, кто помнит подробности, потому что пережитое вгрызлось в память намертво.

— А Отбитые?

— А эти безумцы — Гвидо покачал головой и произвольно усмехнулся. — Они не убежали. Любой нормальный человек убежал бы. Я убежал, половина деревни убежала, а они нет. А потом их безумная птица стала орать, мол, пусть демон крыс пожжёт. И им это так понравилось, что они решили демона выманить. Ну демон за ними и пошёл, а колдун — за демоном.

— То есть они увели демона из таверны?

— Увели. И привели к моему амбару, где было самое большое логово крыс.

Я перестал писать. Поднял глаза.

— Подождите. Так это была идея вороны?

— Этого проклятого недопопугая, да, — уточнил Гвидо.
— Ворона-попугай... Я до сих пор не понимаю, что хуже: демон или птица, которая считает себя богом.

Идея Каркаши, значит. Ворона предложила натравить демона на крыс, и Отбитые послушались ворону. Я занёс это в блокнот и поставил рядом три вопросительных знака. Не потому, что не верил, а потому что как раз таки наоборот, и это гораздо страшнее.

— Демон сжёт амбар вместе с крысами?

— Сжёт. И три телеги рядом и часть улицы. А потом этот маленький — Гвидо поморщился, — который орёт про ножи

— Анкурик.

— Да, он. Он решил «потушить» демона и не придумал ничего лучше, чем взорвать колодец какой-то магией. Вода хлынула фонтаном, демон взбесился, — староста закрыл лицо руками, и я почувствовал, что он не играет. Передо мной человек, заново переживающий худший день в жизни.
— Господин Ёр, я сорок лет живу в этой деревне, я видел наводнения, засухи, набегии гоблинов, но такого

Я дал старосте несколько секунд. Иногда молчание — лучший инструмент переговорщика.

— Как они справились с демоном в итоге?

Гвидо опустил руки. Он посмотрел на меня, и во взгляде его промелькнуло что-то, чего я не ожидал. Не злость и не обида, нечто похожее на уважение? Нехотя, через силу, но уважение.

— Орк, — ответил староста. — Он вдруг протрезвел. Вот просто раз, и протрезвел. Вытащил свой святой символ, начал читать молитву, и демон просто исчез. Словно и не было его. Как свечу задули.

Я представил себе Бабая – пьяного буйного Бабая, который за десять минут до этого врезал колдуну по лицу в таверне – вдруг протрезвевшим и изгоняющим демона молитвой и понял, что в этой группе всё работает именно так: через хаос и абсурд, через последний момент, когда всё уже горит, тонет и взрывается одновременно.

— А колдун?

— Эльфийка его подстрелила в колено. Он пытался удрать, но она достала его стрелой на бегу, шагов с восьмидесяти, — староста помолчал и неохотно добавил: — Этого я не отрицаю, колдуна они поймали. Мы его связали и отправили в город страже.

Я сделал пометку, это важно. Колдун пойман и передан страже, значит, его можно допросить и узнать, кто он, откуда и зачем прятался в маленькой деревне. Кровавые колдуны не появляются случайно в маленьких деревнях. Обычно у них есть цель, и обычно эта цель не крысы.

— Что стало с колдуном после?

— Понятия не имею. Его увезли, и больше я о нём не слышал.

— А его вещи? Он где-то жил?

Гвидо нахмурился.

— Он снимал комнату в доме вдовы Марны на окраине. Тихий был, платил вперёд, серебром. Выходил только по ночам, — тут староста осёкся, словно сам только сейчас осознал, как это звучит. Тихий постоялец, который платит серебром и выходит только по ночам — ничего подозрительного, конечно. — Но какое это имеет отношение к компенсации?

— Возможно, никакого, а возможно, прямое, — я пожал плечами, стараясь звучать небрежно. Это важный момент в переговорах, и мне нужно, чтобы Гвидо сам захотел мне помочь. — Господин Гвидо, я хотел бы осмотреть комнату, которую снимал колдун.

— Зачем?

— Чтобы понять, кто он такой и почему оказался в вашей деревне. Кровавые колдуны не появляются случайно в маленьких деревнях, обычно у них есть цель.

Я помолчал. Следующую фразу нужно было произнести правильно, не слишком уверенно, но и не слишком осторожно.

— Если окажется, что Отбитые случайно сорвали что-то серьёзное, это может повлиять на размер компенсации.

Гвидо прищурился. Усы его перестали дрожать и встали торчком как антенны, уловившие интересный сигнал.

— В какую сторону?

— В сторону уменьшения.

Глаза старосты блеснули. Пятьдесят золотых он назвал с

потолка, это было ясно с самого начала, реальная цена ущерба значительно меньше. Он это знает, и я это знаю, и оба мы знаем, что знаем. Теперь вопрос в том, кто первый назовёт настоящую цифру.

— Дом Марны на восточной окраине, — сказал староста, — маленький, с синей дверью. Она вам покажет комнату.

— Благодарю, — я встал и решил ковать, пока горячо. — И ещё, господин Гвидо. Пятьдесят золотых – это чрезмерная сумма. Амбар, колодец и ремонт крыши в сумме тянут от силы на двадцать даже с учётом морального ущерба.

— Там был демон! — вскрикнул мужчина, но уже без прежнего жара, скорее, по инерции.

— Которого вызвали не Отбитые, а колдун, на которого напали, потому что он прятался в вашей деревне, — я направился к двери и уже на пороге обернулся. — Подумайте об этом, пока я осматриваю комнату.

Я вышел, не дожидаясь ответа. Это тоже приём: уходить, оставляя человека с мыслью. Мысль будет работать за тебя, пока ты занимаешься другими делами, как начисленный процент.

На площади Отбитые всё ещё оставались на месте. Это само по себе было чудом, и я мысленно поставил себе галочку: прошло полтора часа, а деревня не понесла дополнительного ущерба. Редкие местные жители проходили мимо, огибая компанию за десять шагов.

Консур сидел на краю воронки от колодца — в буквальном смысле на краю, свесив ноги в пустоту — и что-то наигрывал на лютне. Мелодия была тихой и задумчивой, без слов и без похабщины, и это было настолько непохоже на Консура, что я на секунду решил, что его подменили. Анкурик нервно мерил шагами пространство вокруг туда-обратно, туда-обратно, как маятник с психическими. Лалуна изучала облака с видом смертельной скуки. Бабай спал, прислонившись к стене сгоревшего амбара, и храпел так, что стены вибрировали.

Бьёрн стоял на страже, в буквальном смысле. Руки скрещены, взгляд настороженный, как у охранника перед дорогим магазином. Только охранял он не магазин, а деревню от собственной команды.

— Ну как? — спросил он, когда я подошёл.

— Есть зацепка: колдун снимал комнату на окраине. Хочу осмотреть, понять, что он вообще тут делал.

— Тогда я с тобой.

Я кивнул. Лишние руки не мешают, а Бьёрн, при всех его странностях, пожалуй, единственный в группе, с кем можно вести нормальный разговор без риска услышать про молочниц, попугаев или хафлингов.

— Остальные?

— Пусть ждут. Чем меньше народу, тем меньше — я покосился на воронку от колодца, — побочного ущерба.

— ПСИБЛЕ — начал было Анкурик, уловив чей-то взгляд из окна ближайшего дома.

— НЕТ, — хором сказали Бьёрн и я.

Полуэльф обиженно замолк, но я видел, как он продолжает сверлить глазами то окно. Это выглядит тревожно.

— Лалуна, ты за старшую, — сказал Бьёрн. — Никому не давай ничего трогать.

Эльфийка лениво махнула рукой, не удосужившись даже посмотреть в нашу сторону.

— Словно нам есть дело до этой дыры.

— Вот и отлично.

Мы направились к восточной окраине. Деревня небольшая, так что дорога заняла минут пять. По пути местные провожали нас настороженными и неприязненными взглядами. Одна старуха плюнула через левое плечо, когда мы прошли мимо. Мальчишка лет семи выглянул из-за забора, показал нам язык и тут же скрылся.

— Мда, они нас ненавидят, — заметил я.

— Они нас боятся, — поправил Бьёрн, — это немного разные вещи.

— А тебя не смущает, что вас боятся?

Он пожал плечами.

— Меня много что смущало в первый год, а потом прошло.

Бьёрн сказал это спокойно и обыденно, как простую констатацию факта. Прошло, и всё, как проходит акклиматизация, как проходит тоска по дому, как проходит удивление от двух лун в небе. Сначала замечаешь, потом привыкаешь,

потом и вовсе перестаёшь замечать.

Мне стало интересно, что ещё у него прошло за эти два года, и чуть-чуть тревожно.

Дом вдовы Марны нашёлся легко, он был единственный с синей дверью на всей улице. Маленький, покосившийся, с крошечным огородиком, на котором что-то чахло в неравном бою с сорняками.

Я постучал. Дверь открыла женщина лет шестидесяти, худая, с цепким взглядом и руками в муке. Похожа на тех деревенских женщин, которые знают всё обо всех и помалкивают не из доброты, а из расчёта.

— Чего надо?

— Гильдия Серебряного грифона. Нам нужно осмотреть комнату, которую снимал человек в капюшоне. Тот, которого увезла стража.

Марна окинула подозрительным взглядом сначала меня, потом Бьёрна. На Бьёрне взгляд задержался дольше.

— Вы из этих, — она кивнула в сторону центра., — из Отбитых?

— Он — да, а я из гильдии

— Тогда заходите. Только он пусть руки держит при себе.

Дом внутри был чистым, хоть и бедным. Пахло свежим хлебом, и после копоты в доме старосты этот запах казался почти райским. Марна провела нас по узкому коридору к двери в конце.

— Здесь жил. Три недели, платил вперёд серебром. Тихий

был, никуда не выходил днём, только по ночам, — женщина открыла дверь и отступила. — Я сюда не заглядывала с тех пор, как его забрали, боязно.

— Почему боязно?

Вдова не ответила. Просто посмотрела на меня так, как смотрят на человека, задающего вопрос, ответ на который он увидит через три секунды.

Я шагнул через порог и замер.

Комната была маленькой, с узкой кроватью, столом у окна и табуретом. Обычная комната постояльца, каких сотни в каждой деревне, но стены

Стены были покрыты темно-красными символами, нарисованными чем-то, что, я очень надеюсь, не было кровью. Хотя если вспомнить, что наш постоялец — кровавый колдун, надежда была слабой. Круги, линии и руны сложились в сложный узор, расходящийся от центра комнаты к углам словно паутина, сотканная математиком-маньяком. Каждая линия была проведена аккуратно, с пугающей тщательностью. Тут не безумец рисовал, тут работал профессионал.

На столе лежали черные, оплавленные свечи и ножи. Три штуки, все разного размера, тоже со следами красного. Рядом я увидел стопку пожелтевших бумаг, исписанных мелким, убористым почерком.

— Это — начал Бьёрн.

— ритуальный круг, — закончил я, чувствуя, как на затылке шевелятся волосы. — Он что-то готовил, что-то боль-

шое.

Мне стало страшно, по-настоящему, нутром. Не так, как было страшно при встрече с Отбитыми, там был, скорее, шок. Здесь другое. Здесь комната тихого постояльца, который три недели жил в маленькой деревне, ходил по её улицам, здоровался с соседями и рисовал кровью на стенах.

Я подошёл к столу, стараясь не наступать на символы на полу — не из суеверия, просто не хотелось — и взял верхний лист бумаги. Текст был на языке, которого я не знал, но некоторые слова повторялись, и рядом с повторяющимися словами стояли даты.

— Бьёрн, какое сегодня число?

— Семнадцатое.

Я посмотрел на бумагу. На листе число двадцать было обведено кружочком и дважды подчёркнуто.

— Через шесть дней, — сказал я. — Что бы он ни планировал, это должно было случиться через шесть дней.

Бьёрн подошёл ближе и заглянул через плечо. Я почувствовал, как он напрягся, и подумал, что ему тоже не по себе. Хорошо, значит, я не один тут нервничаю.

— Думаешь, Бабай его остановил случайно?

— Думаю, Бабай его раскрыл. Случайно, — я обвёл взглядом комнату: символы, ножи, свечи, эти аккуратные линии на стенах. — Кровавые колдуны не призывают демонов просто так. Это дорого, в смысле, требует жертв. Он призвал демона, потому что испугался, что его план рушился.

— И какой был план?

Я посмотрел на символы, на круг на полу, на ножи, на да-
ты в бумагах и понял, что не знаю. Мне нужен кто-то, кто
сможет прочесть то, что я вижу. Кто-то, кто разбирается в
кровавой магии, в ритуальных кругах и языках, на которых
пишут кровавые колдуны.

— Не знаю, — сказал я, — но нам нужен кто-то, кто умеет
читать такие вещи.

— Консур, — неожиданно сказал Бьёрн.

Я повернулся к нему.

— Что?

— Консур. Он же бард, п барды знают всякое, в том чис-
ле и про тёмную магию, — Бьёрн поморщился как человек,
вынужденный рекомендовать стоматолога, которого сам бо-
ится. — Не спрашивай, откуда я знаю.

— Консур? — переспросил я, потому что мне нужно было
убедиться, что мы говорим об одном и том же человеке. —
Тот, который пахнет канализацией и пристаёт к беременным
женщинам?

— Тот самый, — Бьёрн развёл руками. — Добро погово-
рять в Отбитых.

Я вздохнул, затем еще раз посмотрел на стены, покрытые
кровавыми символами.

Конечно, бард из храма Безумного бога – кому ещё раз-
бираться в кровавых ритуалах? Логично, безупречно логич-
но в той извращённой логике, по которой живёт этот мир и

конкретно эта группа.

Глава 4. Жатва душ

Мы с Бьёрном вернулись на площадь, где остались остальные Отбитые.

Бабай проснулся и теперь сидел у стены, прикладываясь к фляге со странным выражением, чем-то средним между философской задумчивостью и экзистенциальным кризисом. Лалуна стояла в стороне, демонстративно игнорируя всё и всех: деревню, её жителей, сокомандников и саму концепцию ожидания. Анкурик успел нажить себе врага в лице местного кота.

Рыжий зверь шипел на него с крыши сарая, выгнув спину дугой. Анкурик стоял внизу, сжимая кулаки, и на пальцах у него подрагивали бледные огоньки: псиблейды формировались и гасли, формировались и гасли, будто у полуэльфа нервный тик.

— Он смотрит на меня, — процедил Анкурик, не отводя глаз от кота. — Этот кот думает, что я хафлинг.

— Коты не думают о хафлингах, — сказал я, подойдя.

— ЭТОТ ДУМАЕТ.

Кот зашипел громче, словно подтверждая. Я решил не спорить. Давно стало ясно, что с Анкуриком спорить о хафлингах – это как объяснять стене, что она стена. Стена не слушает, она просто стоит.

Консура я нашёл на прежнем месте у воронки от колодца.

Старый бард сидел на камне, перебирая струны лютни, мелодия выходила тихой и размеренной. Каркаша расхаживала рядом, задрав голову, как на параде. Шаг, поворот, шаг, поворот — ну прямо генеральская инспекция невидимого войска.

— Консур, — позвал я барда, — нам нужна твоя помощь. Мнение эксперта, так сказать.

Бард поднял голову. Беззубая улыбка мгновенно расплылась по его лицу, такая безоблачная, как у ребёнка, которого позвали играть.

— Молодой господин нуждается во мне? Какая честь! Я к вашим услугам, всецело и безраздельно! Если желаете, могу спеть о нашей встрече, о том, как судьба свела

— Мне нужно, чтобы ты посмотрел на ритуальные символы, — я решил сразу перейти к делу, пока бард не начал сочинять балладу.

Консур тут же изменился в лице. Улыбка не исчезла, но взгляд изменился. Что-то в нём проскользнуло, почти неуловимое, будто двинулись шестеренки невидимого механизма. Веселье осталось на лице, но из глаз ушло.

— Ритуальные символы? Какие ещё ритуальные символы?

— Мы нашли их в комнате колдуна. Похоже, он что-то готовил, и нам надо понять, что именно.

Консур медленно поднялся. Колени его довольно громко хрустнули, и ворона вспорхнула ему на плечо.

— Божественный попугай чует тёмную магию! — прокаркала Каркаша. — Веди нас, смертный!

Мы пошли обратно к дому Марны. По дороге я коротко рассказал, что мы с Бьёрном нашли: про символы на стенах, круг на полу, ножи, даты. Консур слушал молча, и вот это молчание было, пожалуй, самым тревожным из всего, что я видел за день.

За время нашего знакомства бард не затыкался ни на минуту. Ни в дороге, ни за едой, даже во сне, по утверждению Бабая, он спящий бормотал куплеты. Но сейчас Консур молча шёл по деревенской улице, и только его узловатые пальцы, неожиданно сильные для такого дряхлого старика, перебирали что-то невидимое в воздухе, словно ощупывая ткань.

Когда мы вошли в комнату колдуна, бард замер на пороге.

— Ох, — сказал он.

Всего одно слово, но в этом «ох» ощущался столько, сколько в его обычных тирадах не набиралось за час.

— Плохо?

— Ну как сказать... Скорее, интересно, — Консур шагнул внутрь, разглядывая символы на стенах.

Двигался он теперь по-другому: не шаркая, не горбясь, он мягко и пружинисто обходил линии на полу с какой-то невероятной точностью. Старик знал, куда наступать, а куда нет.

Бард провёл пальцем по одной из линий, поднёс к носу и понюхал.

— Кровь. Кажется, свиная, если не ошибаюсь. Для начер-

тания её хватает, человеческая нужна только для активации, и маг мог ограничиться собственной.

— Откуда ты всё это знаешь? — спросил я.

Не то чтобы мне это было прямо интересно, но такие познания в ритуалистике от полоумного барда немного настаивали. Это как если бы ваш дворник вдруг начал рассуждать о квантовой физике, да ещё со знанием дела.

Консур обернулся. В его глазах мелькнула не то грусть, не то усталость, но не сегодняшняя, не от дороги и не от возраста. Усталость старая, вросшая в него, как годовые кольца в дерево.

— Я не всегда был бродячим бардом, господин Ёр, и не всегда был старым. В молодости я много чего делал и много чего повидал, — Консур вернулся к символам, и голос его снова стал деловым и профессиональным. — Это диалект Кровавой школы. Старый, ему лет триста, может больше. Сейчас так почти никто не пишет.

Триста лет

Я посмотрел на Консура. Сколько ему на самом деле? Он выглядит на восемьдесят, но в этом мире возраст – понятие условное. Маги живут дольше, эльфы – даже дольше магов, а барды из храма Безумного бога

Я решил не спрашивать.

Консур медленно обошёл комнату, бормоча что-то себе под нос. Каркаша на его плече вертела головой, иногда вставляя комментарии вроде «богомерзость!» и «нечестивцы!»,

но делала это тихо, почти шёпотом, что для вороны было равносильно благоговейному молчанию.

— Вот, — наконец сказал Консур, остановившись у главного круга в центре. Он присел на корточки и указал в середину всего рунного узора. — Это ключевой элемент ритуала. Видите руны по краю?

Я подошёл ближе. Руны выглядели как переплетённые змеи, кусающие друг друга за хвосты. Бесконечная цепочка без начала и конца, и от долгого взгляда на неё начинало подташнивать.

— Вижу. Что они означают?

— «Жатва душ», — произнёс Консур. — Очень неприятное заклинание, связывает всех живых существ в определённом радиусе с центром круга. А потом ц-ц, — он провёл пальцем поперёк горла.

— Убивает?

— Вроде того. Оно высасывает жизненную силу, всю, до капли. Забирает каждую душу в радиусе действия, — Консур поднялся. — Судя по размеру круга и количеству рун усиления, радиус – вся деревня. Может, даже больше.

По спине пробежал холодок. Не метафора, буквально. Холод прошёл по позвоночнику сверху вниз, как капля ледяной воды, и остановился где-то в животе.

Вся деревня, тридцать-сорок домов, мужчины, женщины и дети. Кузнец, мимо кузни которого мы проезжали, бабка, которая плюнула через плечо, когда мы прошли, мальчишка,

показавший язык из-за забора, вдова Марна с руками в муке — все они.

— Колдун хотел убить всю деревню?

— Не совсем, он собирался принести их в жертву, — Консур подошёл к столу и взял бумаги. — Убить и принести в жертву — это разные вещи. Просто убить — это одно: тело умирает, душа уходит. А жертвоприношение — это когда душу перехватывают на выходе и направляют кому-то. Вопрос, кому.

Бард начал читать страницы. Бормотал, хмурился, один раз даже тихонько присвистнул.

— Нашёл, — старик повернулся ко мне, и лицо у него было мрачным. Лицо человека, который увидел то, чего боялся, и теперь должен об этом сказать. — Это подношение демону, которого он и вызвал в таверне, Армадею Пожирателю.

— Не понимаю, — нахмурился я, — он же призвал демона случайно, когда Бабай на него напал. Зачем создавать ритуал для демона, если он мог вызвать этого демона по щелчку пальцев?

— Нет-нет, всё совершенно не так, — замотал головой старик, и в его голосе проступило что-то учительское, словно он сотни раз объяснял непонятливым студентам основы. — Демона колдун призвал уже давно, и демон давал ему силу в обмен на службу. У них контракт, можно сказать. Демонам тоже не так-то просто являться в наш мир, знаешь ли: силы много тратится, да и последствия определённые есть. Риту-

ал же должен был накормить демона душами, и при этом самому демону не было бы необходимости являться и тратить силы.

— А когда Бабай его раскрыл

— колдун запаниковал и вызвал демона, используя контракт. Он будто крикнул «на помощь», и демону пришлось явиться. Тратить силы, рисковать, пфф, — Консур фыркнул, — демоны такого не любят. Их вызывают для дела, а не чтобы драться с пьяным орком в таверне.

Бьёрн, который всё это время молча стоял у двери, подал голос:

— То есть Бабай, напав на колдуна

— сорвал ритуал, ага. И спас деревню, получается, — Консур развёл руками с видом фокусника, показавшего финальный трюк. — Все сорок душ, или сколько тут народу, остались на месте благодаря тому, что наш зелёный друг не умеет пить.

Повисла тяжелая тишина, в которой хочется сесть и долго смотреть в одну точку.

— Божественный попугай знал! — торжественно объявила Каркаша. — Божественный попугай всегда знал, что Бабай – орудие высших сил!

— Он орудие низших сил, — пробормотал Бьёрн, — алкоголя.

— Это одно и то же! — Ворона расправила крылья. — Безумный бог благословляет пьяных и дураков! Бабай – и то,

и другое!

Я потёр виски. Голова гудела. Слишком много информации за слишком короткое время, и каждый новый её кусок был хуже предыдущего.

— Ладно, допустим, Отбитые случайно спасли деревню. Как мы это докажем старосте?

— Покажем ему комнату? — предложил Бьёрн.

— Он не поймёт. Для него это просто красные рисунки на стенах.

— Тогда объясним словами?

— Не думаю, что он поверит. Вы для него те самые люди, которые сожгли амбар и взорвали колодец. У вас нулевой кредит доверия. Если я скажу, что Отбитые спасли деревню, он решит, что я пытаюсь уйти от компенсации.

Мы замолчали. За окном чирикала какая-то птица, и этот звук был настолько нормальным, настолько повседневным на фоне кровавых рун и разговоров о жатве душ, что становилось почти обидно.

Потом Консур внезапно хмыкнул.

— Есть один способ. Не самый приятный, конечно, но убедительный.

— Какой?

— Можно показать ему, что случилось бы, — Бард кивнул на круг на полу. Не на символы вокруг него, а именно на круг, на его центр, где сходились все линии. — Я могу перестроить ритуал, чтобы он не делал то, что должен, а показы-

вал вариацию того, что мог бы сделать. Такое себе видение.

— Такое возможно? — засомневался я.

— Занимайся этим кто другой – без сомнения, нет. Но к счастью для вас, с вами невероятный Консур, также известный как Кунрир, также известный как Кум-Кум Ой Это имя называть нельзя.

— Ближе к делу, Консур.

— Да-да. Я всё сделаю, главное – не перепутать пару мелочей. И не стоять в центре круга.

Я посмотрел на круг, затем на барда с вороной на плече, который только что мимоходом упомянул, что у него есть имя, которое «нельзя называть».

В какой-то момент нужно будет сесть и очень серьёзно поговорить с Консуром о его прошлом, но не сейчас.

— Так и поступим.

Через час мы собрались в комнате снова, но уже не втроём.

Староста Гвидо стоял у двери, скрестив руки на груди, и смотрел на комнату с выражением человека, ожидающего подвоха. Он ждал обмана, трюка или попытки снять вину в Отбитых. Рядом топтался его помощник, молодой парень с бледным лицом и нервно бегающим взглядом. Парня можно понять: мы собираемся провести его через подобие кровавого ритуала в комнате с руническим кругом и чёрными свечами. Я бы на его месте тоже нервничал. Я и на своём месте нервничаю, если честно.

— Это что ещё такое? — Гвидо кивнул на символы. — Колдовство?

— Это то, что готовил ваш «тихий постоялец», — сказал я. — И сейчас вы увидите, что именно должно было произойти, не помешай ему наш дорогой Бабай.

Консур встал у края круга. Каркаша перелетела на подоконник, подальше от центра. Умная птица.

— Всем отойти к стенам, — велел бард удивительно строгим, — и что бы вы ни увидели, не двигайтесь. Это только образы, они не могут причинить вреда.

Он на пару секунд задумался.

— По крайней мере, я так думаю.

Вот спасибо, очень обнадёживает.

Консур расставил руки и начал петь, и голос у него изменился. Я к этому моменту уже привык к двум его голосам: хриплому дорожному и неожиданно чистому и мелодичному, который проступал в песнях. Но от этого голоса по коже бежали мурашки, потому что каждая нота словно попадала в точку внутри тебя, о существовании которой ты даже не подозревал.

Мелодия была странной, не то колыбельная, не то похоронный плач. Слов я не понимал, и это, возможно, к лучшему.

Символы на стенах начали светиться тусклым багровым светом, как угли в догорающем костре.

А потом комната исчезла.

Не постепенно, не размываясь по краям, а просто раз — и мы стоим посреди тех же Овражков, но каких-то неправильных. Над нами нависло чёрное небо, без звёзд и лун, словно кто-то забыл нарисовать верхнюю часть мира. Дома казались силуэтами, вырезанными из серого тумана. Знакомые очертания, но без цвета, без жизни, без запаха.

И люди

Люди были везде. Десятки фигур: мужчины, женщины, дети. Они стояли неподвижно, с пустыми глазами и открытыми ртами. Не кричали, не двигались, просто стояли, и из их ртов тянулись тонкие светящиеся нити, призрачные и едва видимые. Нити сходились в одной точке: там, где в реальности находился дом вдовы Марны.

Я узнал некоторых людей. Вот кузнец, мимо которого мы проезжали. Вот женщина с ребёнком, та, что кричала «прячьте детей». Вот мальчишка, показавший нам язык из-за забора. Нить тянулась у него изо рта, тоненькая и хрупкая, и даже в видении было понятно, что если эту нить потянуть, мальчишка кончится.

— Что Что это? — прохрипел Гвидо.

— Жатва душ, — ответил я. Голос мой прозвучал ровнее, чем я ожидал. — Это должно было случиться через шесть дней со всеми вами, если бы не вмешательство Отбитых из Арушина.

Староста смотрел на призрачные фигуры с ужасом, и я видел, как он узнаёт лица, одно за другим: жена, соседи, дру-

зья, помощник, который стоит рядом с ним в этой комнате.

Помощник тоже себя узнал и прислонился к стене, потому что ноги перестали его держать.

— Все бы умерли? — спросил Гвидо.

Голос его изменился, куда-то пропали багровое лицо, торчащие усы, возмущение и требования. Остался человек, которому показали, как выглядит конец всего, что ему дорого.

— До единого, — кивнул я.

Видение начало таять. Фигуры побледнели, нити растворились, дома из тумана расплылись. Символы на стенах погасли, и мы снова оказались в маленькой комнате тихого постояльца.

Консур опустил руки. Он выглядел усталым, даже не так. Не просто усталым, а постаревшим, словно ритуал забрал у него лет десять, которых у него и так в обрез. Лицо осунулось, руки подрагивали. Каркаша перелетела ему на плечо, молча прижалась к шее, и Консур медленно вышел из комнаты.

Гвидо молчал. Его помощник сидел на полу у стены белый, как мел, и кажется, не до конца понимал, где находится.

— Колдун готовил это три недели, — тихо сказал я, без давления. Давить уже нет нужды, видение сделало всё за меня. — Он жил в вашей деревне, ходил по вашим улицам, смотрел на ваших детей и готовился принести вас всех в жертву. А потом пьяный орк врезал ему по лицу в таверне, и всё сорвалось.

Староста поднял на меня взгляд. Глаза у него были мокрые, и он этого не стеснялся.

— Они знали? Отбитые.

— В какой-то мере, — сказал я.

И это было ну не совсем враньё. Скорее, творческая интерпретация. — Бабай не знал ничего, он просто напился и полез в драку, как делал, видимо, регулярно. Но Бабай — паладин, он чувствует зло, вот рука и сорвалась.

Мне стало неловко от собственных слов. Бабай чувствует зло примерно так же, как я чувствую квантовую физику, но Гвидо не в том состоянии, чтобы анализировать.

Староста долго молчал, потом тяжело вздохнул, и когда заговорил, голос его был другим: тише, ровнее, без прежних восклицаний.

— Пятьдесят золотых, — сказал он.

Я нахмурился.

— Я думал, после этого

— Вы не поняли, господин Ёр, — староста покачал головой, и кривая усмешка прошла по его лицу. — Пятьдесят золотых — это не компенсация. Это награда, которую я выплачу из своего кармана за спасение деревни. — Гвидо помолчал, а затем добавил: — Только не говорите им, а то ещё зазнаются.

Я моргнул.

— Вы хотите заплатить «Отбитым»?

— Я хочу, чтобы они убрались из моей деревни и никогда

не возвращались. Но да, они заслужили, несмотря на весь тот бардак.

Из коридора послышался слабый смешок.

— Божественный попугай принимает дары! — каркнула Каркаша, но тоже тише обычного.

Я посмотрел в коридор, потом на старосту, на символы, медленно гаснущие на стенах и произнёс фразу, которая, по моему, лучшая в моей дипломатической карьере:

— Думаю, гильдия возьмёт на себя восстановление колодца в качестве жеста доброй воли.

— И амбара?

— Только колодец, — твёрдо повторил я.

— Но

— Колодец.

Гвидо вздохнул, но спорить не стал.

Обратная дорога в город прошла удивительно спокойно.

Бабай спал в седле, и Лалуна каким-то невероятным образом его контролировала, не отрывая взгляда от горизонта. Одна рука на поводьях его лошади, другая – на поводьях своей.

Консур напевал что-то тихое и играл мягкую, довольно приятную мелодию. Анкурик молчал и лишь изредка косился на пролетающих птиц, но псIBLEЙДЫ не метал, Настоящий, измеримый прогресс. Я бы занёс это в отчёт, если бы существовала графа «инциденты, которых не было».

Бьёрн ехал рядом со мной.

— Неплохо справился для первого раза, — сказал он.

— Первого раза чего?

— Работы с нами, — юноша усмехнулся, и в усмешке было что-то похожее на уважение. Или на удивление. Трудно различить. — Обычно люди после первого дня либо уходят, либо пытаются нас убить.

— День ещё не закончился.

— Справедливо.

Мы помолчали. Впереди показались массивные городские стены, каменные, с зубцами по верху, и в вечернем свете они казались почти красивыми. Почти, потому что красоту портила кривая надпись у ворот «платите налоги!», сделанная кем-то из городской администрации с энтузиазмом, значительно превышающим каллиграфические способности.

— Знаешь, — сказал Бьёрн, — ты изменился с тех пор, как мы встретились в первый раз.

— Два года прошло, все меняется.

— Не все, — он кивнул в сторону спящего Бабая. — Он не изменился. И Консур. И Анкурик точно.

— Это значит, что о прекращении вашей дурной славы можно только мечтать?

Бьёрн серьёзно посмотрел на меня.

— Отбитые – это хаос, Седрик. Мы не пытаемся разрушать всё вокруг, оно просто само так получается. И если ты собираешься с нами работать

— Я не собираюсь.

— Гильдмейстер может думать иначе, — хмыкнул он.
Я промолчал.

Он наверняка прав, и мы оба это знаем. После сегодняшнего дня гильдмейстер наверняка найдёт мне ещё какое-нибудь «особое задание». Я перевёл компенсацию в награду, с точки зрения начальства я был не просто полезен, я был очень эффективен. А от эффективных сотрудников не отказываются, их загружают ещё больше.

— Ладно, — сказал я наконец, — если придётся, я справлюсь.

— Уверен?

— Нет, но выбора особо нет.

Бьёрн хмыкнул.

— Добро пожаловать в клуб.

Ворота приближались. За ними жжёт гильдия, отчёты, бумажная работа – нормальная жизнь, насколько она вообще может нормальной в мире с двумя лунами, говорящими воронами и орками-паладинами.

И где-то там, в столовой или на задании, есть девушка-паладин, которая предложила помощь незнакомцу.

Рианна Эверхарт.

Может, стоит узнать о ней побольше, когда всё это закончится.

Если закончится.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.